

Никанор

**Остатки языческих обрядов и
религиозных верований у чуваш**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н62

Н62 **Никанор**
Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш / Никанор – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 40 с.

ISBN 978-5-519-99608-2

ISBN 978-5-519-99608-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

почти безъ всякаго пониманія, а единственно по укоренившейся привычѣ. Совершеніе общественныхъ жертвоприношеній или вообще моленій и обрядовъ приурочивается по преимуществу къ разнымъ христіанскимъ праздникамъ.

О богахъ домовыхъ.

Чаще всѣхъ другихъ боговъ въ представленіи чувашъ рисуется а) чувашскій *домовой* (*хёрт-суртз*, *хёртъ сёртъ*), далеко не то, что русскій домовой—солидный, добрый старичина, который—хозяинъ дома, знаетъ, о чемъ болѣе всего должно порадовать въ дому своемъ, напр. о скотѣ. Но чувашскому домовому до домашнихъ животныхъ нѣтъ дѣла. Онъ ухаживаетъ только за домомъ и потому его образъ болѣе женственный, хотя онъ представляется низенькимъ старикомъ, постоянно живущимъ на печѣ. Одѣтъ онъ въ бѣлую одежду. По вечерамъ онъ слѣзаетъ съ печки и ходитъ по комнатѣ, осматривая чиста-ли и опрокинута-ли посуда; если не чиста, то онъ моетъ её и опрокидываетъ ⁽¹⁾. Если въ домѣ есть больной, то онъ, сидя у головы больного, цѣлыя ночи проводить съ нимъ, подастъ больному пить, одѣваетъ его и т. п. Не менѣе онъ ухаживаетъ и за маленькими: ночью онъ качаетъ ихъ въ колыбель, днемъ же, когда маленькіе остаются одни, онъ забавляетъ ихъ разными играми. „Однажды, рассказываетъ Б., мои родители (живущіе въ буинскомъ уѣздѣ, симбир. губер.), оставивши въ избѣ однихъ маленькихъ, отправились на гумно молотить. Когда они пришли обѣдать, то около маленькихъ увидѣли какого-то старика, который вдругъ обратился въ мѣдный пятакъ и покатился въ подпечье“.

Если хозяинъ дома придетъ выпивши, то домовой встрѣчаетъ его. Хозяинъ, входя въ домъ, благодаритъ домового,

(1) Русскій домовой никогда не представляется такъ унижающимся. Онъ какъ наибольшій въ домѣ представляется дѣлающимъ только то, что дѣлаетъ хозяинъ въ домѣ, а не хозяйка. Вѣроятно чувашское воображеніе болѣе долго работало надъ созданіемъ домовыхъ, и потому такъ строго выработало представленіе о немъ, какъ спеціально домовомъ духѣ.

говоря: тав сѣе хѣрт—сурт (благодарю домовую за угощеніе). Вообще домовая за всѣми ухаживаетъ, ~~кромя кошки~~, которую онъ такъ не любитъ, что постоянно её сбрасываетъ съ печки. „Домовому нѣтъ дѣла до животныхъ. Онъ ухаживаетъ за домомъ, заботится о съѣстныхъ припасахъ, прядетъ“. К. прямо называетъ домовыхъ женщинами (хѣрт-сурт). „По мнѣнію чувашъ, говоритъ К., домовыя ночью встаютъ съ печекъ и прядутъ пряжу. Женщины чувашки совѣтуютъ дѣвушкамъ, въ особенности своимъ дочерямъ, вставать пораньше, чтобы хотя немного попрясть вмѣстѣ съ домовою. По мнѣнію ихъ, у той дѣвушки, которая имѣла счастье попрясть вмѣстѣ съ домовою, всѣ дѣла пойдутъ успѣшно, а въ особенности пряденіе. Но только нужно вставать возможно осторожно, чтобы домовая не услышала. Если она услышитъ, то перестанетъ прясть и толку никакого не будетъ, даже будетъ хуже, т. е. послѣ этого всѣ дѣла пойдутъ медленнѣе прежняго. Лечь нужно такимъ же образомъ, точь-вточь, т. е. тихонько. Домовыя, по представленію чувашъ, любятъ переселяться изъ одного дома въ другой, подобно выходу дѣвушекъ за мужъ, что случается, когда хозяинъ огорчаетъ её какимъ нибудь непріятнымъ для нея поступкомъ. Домовыя также любятъ приглашенія на жительство. Когда чувашъ, не имѣвшій прежде своего дома, выстроить себѣ домъ, то идетъ къ сосѣду какъ-бы поговорить съ нимъ кой о чемъ, или посовѣтоваться, а между тѣмъ тихонько различными знаками приглашаетъ къ себѣ его домовую, т. е. иначе говоря, онъ старается украсть домовую. Чуваша крадутъ домовыхъ другъ у друга потому, что безъ нея никакъ нельзя жить, по ихъ мнѣнію. Они говорятъ: если въ какомъ нибудь домѣ не будетъ домового, то въ этомъ домѣ тотчасъ же пойдутъ безпорядки“. Поэтому какъ только чувашинъ почувствуетъ, что дѣла его идутъ не своимъ порядкомъ, то сейчасъ же представляетъ, что кто-нибудь, навѣрно укралъ у него домовую, поэтому и онъ старается украсть у кого нибудъ домовую. Чтобы не разгнѣвать домовыхъ своими противными для нихъ дѣлами, чувашинъ всячески старается задобрить ихъ.

Когда къ кому нибудъ пріѣдетъ родственникъ и приведетъ гостинецъ, то чуваша сначала отламываютъ отъ этого гостинца часть домового и бросаютъ на печку и потомъ уже ѣдятъ сами. У чувашъ есть еще такой обычай, что моло-

душка не смѣетъ идти въ сосѣдній домъ, по крайней мѣрѣ цѣлый годъ, если её не пригласятъ въ первый разъ, поэтому чуваши стараются пригласить молодушку въ гости поскорѣе. Вошедши въ избу сосѣда, молодушка прежде всего даетъ честь домовымъ извѣстнымъ образомъ, а потомъ уже здоровается съ семьею этого дома.

Иногда чуваши приносятъ домовою особенную жертву, которая состоитъ изъ каши, лепешекъ и юсмановъ (тоже лепешка, но только чрезвычайно тонкая). Мѣстомъ жертвоприношенія служитъ предпечье. (К.). Для этаго жертвоприношенія собирается все семейство. Старикъ въ семействѣ кладетъ подъ мышку шапку, какъ и всегда; въ одну руку беретъ котелъ съ кашей, а въ другую чашку съ лепешкой и молится, прочіе же всѣ стоятъ на ногахъ. По окончаніи молитвы въ каждый уголъ дома кидаютъ по ложкѣ каши домовому ⁽¹⁾.—Потомъ всѣ садятся за столъ и ѣдятъ оставшуюся кашу, при чемъ стараются молчать, чтобы не осердился домовою. Такъ совершается жертвоприношеніе домовому у чувашъ симбирской губер. (Б). Въ иныхъ мѣстахъ жертвоприношеніе домовому совершается нѣсколько иначе. Напр. въ казанской губерніи такъ: сначала сварятъ кашу и испекутъ лепешки, потомъ предъ шесткомъ ставятъ столъ, на столѣ ставятъ кашу въ чашкѣ, а въ кашу по краямъ чашки втыкаютъ столько ложекъ, сколько въ семьѣ душъ; на кашу кладутъ одну лепешку. Старшій въ семьѣ (дѣдушка или бабушка) встаетъ между столомъ и шесткомъ и, взявъ въ руку чашку съ кашей и лепешкой, начинаетъ молиться домовому за все семейство, читая въ слухъ молитву; а всѣ семейные сидятъ по обоимъ концамъ стола и со вниманіемъ слушаютъ молитву, читаемую старшимъ. Содержаніе молитвы состоитъ въ томъ, что испрашивается, чтобы не только не умирали члены семейства, а напротивъ, чтобы увеличилось число ихъ. По окончаніи молитвы старшій отрѣзаетъ кусокъ лепешки, на него кладетъ не много каши и кидаетъ все это на печку домовому. При этомъ надо замѣтить, что это моленіе совершается

(1) Изъ этого видно, что домовою живетъ не только на печкѣ, но и въ углахъ дома (Б).

ночью и предъ совершеніемъ этого моленія дверь запирается, чтобы изъ постороннихъ людей не могъ никто войти въ это время въ домъ.

Кромѣ домового въ каждомъ домѣ (говорять чуваши) есть еще *домовыя лягушка и змѣя*; первая изъ нихъ живетъ въ подпольѣ, а вторая на задней части двора. Эти домовыя духи считаются самыми полезными для дома, такъ что будто-бы безъ нихъ не можетъ существовать домъ, поэтому когда переселяются въ новый домъ, то ихъ всячески просятъ, умоляютъ перейти въ новый домъ, а въ новомъ домѣ ихъ встрѣчаютъ съ кашей и лепешками. Есть еще б) *домовой злой (Вупкѣнъ или Ахъ)*, составляющій нѣкотораго рода противоположность доброму домовому. Какъ добрый домовый заботится о прибыли всего, увеличиваетъ все въ домѣ и его пребываніе въ домѣ доставляетъ счастье дому, такъ напротивъ злой Вупкѣнъ все истребляетъ въ домѣ, поэтому его пребываніе въ домѣ считается величайшимъ горемъ. Оба домовые не могутъ жить въ одномъ домѣ, какъ непримиримые противники ⁽¹⁾. Прожорливый жадный Вупкѣнъ разоряетъ домъ. Онъ въ особенности истребляетъ съѣстные припасы, потому и имя ему Вупкѣнъ, что значитъ жадный, прожорливый; въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ Вупкѣнъ, скоро истощаются всѣ жизненные припасы и онъ постепенно бѣднѣетъ и, въ концѣ концовъ, все приходитъ въ полный беспорядокъ и нищету.

Къ счастью Вупкѣнъ живетъ не во всѣхъ домахъ, а добрый домовый (Хѣртъ Сурт) почти во всѣхъ, потому что Вупкѣна отовсюду выгоняютъ, Хѣртъ Сурта, напротивъ, усердно зазываютъ. Записанъ слѣдующій рассказъ, передающійся у чувашъ.

Когда-то, въ одной деревнѣ жили два сосѣда, Василій да Иванъ; Василій былъ богатъ, а Иванъ бѣденъ. Какъ бѣдный Иванъ ни работалъ, какъ ни старался, все онъ оставался бѣденъ. У него была жена. Вотъ, Иванъ, видя что ему въ своей деревнѣ не дожидаться счастья, однажды вздумалъ съ женою убѣжать рано утромъ. Только что они вы-

(1) Здѣсь дуализмъ древнихъ чувашскихъ вѣрованій остался ясно замѣтнымъ.

шли изъ деревни, Иванъ вспомнилъ о топорѣ, который остался въ избѣ у двери, и пошелъ за нимъ. Пришелъ онъ на дворъ и видитъ изъ избы чрезъ окно огонь виднѣется. Иванъ удивился, потому что въ избѣ не оставалось никого. Отворилъ онъ дверь и видитъ, какъ какой-то человѣкъ зажегъ лучину, сѣлъ на стулъ и сталъ обуваться. Иванъ взявъ топоръ, спряталъ его за спину и, подойдя къ незнакомцу, спросилъ его: „ты кто, зачѣмъ здѣсь?“—Тотъ отвѣчалъ: „я твой Вупкѣнъ и хочу съ тобой убѣжать отсюда. Тогда Иванъ убилъ Вупкѣна топоромъ и, уложивши его въ гробъ, схоронилъ у опушки лѣса, и остался жить въ томъ же домѣ. Черезъ нѣсколько времени Иванъ съ женою зажили отлично,—у нихъ было все, что нужно и даже скоро разбогатѣли.

Сосѣдъ Ивана Василій смотритъ на житіе Ивана и дивуется. Однажды Иванъ позвалъ къ себѣ Василія въ гости. Василій все разспрашивалъ Ивана, отчего онъ сталъ богатъ. Иванъ разсказалъ все Василію и сказалъ, гдѣ онъ похоронилъ Вупкѣна. Василію было завидно, что Иванъ такъ скоро разбогатѣлъ и потому взялъ топоръ въ руки, пошелъ и вырылъ Вупкѣна изъ земли. Какъ только онъ открылъ гробъ, вдругъ Вупкѣнъ выскочилъ изъ гроба и воскликнулъ: „спасибо тебѣ мой другъ, что ты спасъ меня, теперь я пойду съ тобою!“ „Какъ! закричалъ Василій: я тебя спасъ и меня ты долженъ слушаться, ты иди къ Ивану, а не со мной“.—„Нѣтъ, къ нему я не пойду, сказалъ Вупкѣнъ, потому что онъ меня опять убьетъ; ты меня спасъ, въ тебѣ я пойду“. Какъ Василій не уговаривалъ Вупкѣна идти къ Ивану, онъ все-таки пошелъ за Василіемъ. И такимъ образомъ Василій вырылъ Вупкѣна на свою бѣду, потому что чрезъ нѣсколько времени изъ богатаго онъ сдѣлался почти нищимъ, а Иванъ все богатѣлъ ⁽¹⁾.

Вупкѣнъ называется еще Ахъ, отъ междометія, ахъ!, потому что люди того семейства, въ которомъ живетъ Вупкѣнъ все ахаютъ, да охаютъ отъ постоянныхъ несчастій.

⁽¹⁾ Этотъ поучительный разсказъ составился, очевидно, подъ вліяніемъ христіанства, съ принятіемъ котораго чувашіи должны похоронить своихъ прежнихъ ненавистныхъ и безсильныхъ боговъ.

Вупкѣнъ явился оттого, говорить П. въ концѣ своего разсказа о Вупкѣнѣ, что народъ хотѣлъ уяснить въ этомъ себѣ: отчего одно семейство живетъ счастливо, а другое бѣдно, хотя члены того и другого семейства работаютъ одинаково усердно. Эта необъяснимая причина и заставила ихъ подумать, будто въ счастливомъ семействѣ живетъ добрый духъ Хёрт Сурт, а въ несчастномъ семействѣ Вупкѣнъ.

г) Къ Вупкѣну близко подходитъ *богъ или духъ болтзней* — Йёрѣхъ и Вубѣръ, который давитъ ночью ⁽¹⁾. Чувашскій домовый никогда не давитъ.

Боги животныхъ.

д) Къ домовымъ духамъ или богамъ язычниковъ чувашъ можно отнести еще боговъ животныхъ (*Карта — Пусё или Корда — Пось* — глава животныхъ).

Карта — Пусё сѣдой старикъ постоянно печется о скотѣ, чтобы ему хорошо жилось и чтобы скотъ размножался и не былъ похищаемъ звѣрями. Онъ представляется живущимъ въ хлѣвахъ, куда ему приносятъ и жертву, состоящую изъ каши и лепешекъ-юсмановъ. Кашу приносятъ не въ чашкѣ, какъ домовому, а въ котлѣ. Моленіе въ честь *Карта-Пусё*, какъ моленіе въ честь домового, бываетъ вимою послѣ праздника Рождества Христова и состоитъ въ томъ, что въ хлѣву всѣ семейные обращаются къ востоку и самый старшій въ семьѣ, положивъ шапку подъ лѣвую мышку, начинаетъ молиться говоря: „сана *Карта-Пусё* сѣнѣ пѣтѣ пѣсерсе пусся-патпѣр, пирѣн выльѣхсене турлет, хнаттар, т. е. тебѣ *Карда-Пось* (глава животныхъ) мы молимся, ты нашихъ животныхъ размножай“ (М). Иногда разводятъ въ хлѣву огонь

(1) Йёрѣхъ, собственно, не богъ. По представленіямъ чувашъ онъ есть особое невидимое существо, хотя нѣсколько злое, но не могущее причинить большого вреда. Когда люди не умилоостивляютъ его, онъ схватываетъ ихъ и насылаетъ разныя болячки и чирья и только. Въ виду его такого неважнаго значенія, чуваша отдѣляются отъ его капризовъ самымъ дешевымъ способомъ. Приносятъ ему въ жертву кисель и лепешки, а иногда просто обманываютъ его: на то мѣсто, гдѣ предполагается мѣстопребываніе его, вѣшаютъ маленькіе кузовочки, мѣшочки съ мукой, тряпочки, или оловянные монеты и онъ этимъ вполне удовлетворяется.

и старшій въ родѣ, молясь кладесть часть каши въ огонь и бросаетъ кусочки юсмановъ; остатки же съѣдаются всею семьею съ обращеніемъ къ Корда—Пусь.

е., ж.) Между богами, покровителями животныхъ, есть еще спеціальные покровители отдѣльных родовъ и видовъ животныхъ: *Пирьшты*—покровитель лошадей и *Пигамбаръ*—покровитель волковъ ⁽¹⁾.

Пирьшты, по представленію чувашъ, есть старикъ, весь съ головы до ногъ обросшій волосами. Онъ смотритъ за лошадьми: кормитъ ихъ, ласкаетъ, гладитъ, заплетаетъ имъ гривы въ косы и проч. Чуваша говорятъ, что Пирьшты любить не всѣхъ лошадей, а только тѣхъ, которыя имѣютъ одну масть съ нимъ. Если въ конюшнѣ находятся лошади разныхъ мастей, то Пирьшты отдаетъ весь кормъ лошади своей масти, отнимая его у прочихъ лошадей, которыхъ онъ бьетъ не милосердно, такъ что въ страхъ онѣ забиваются въ колоды, подъ колоды и ясли. Пирьшты живутъ во всѣхъ конюшняхъ, такъ что нѣтъ ни одной конюшни, гдѣ-бы не было Пирьшты. Къ нѣкотораго рода охранителямъ домашнего хозяйства относится *Пигамбаръ*—покровитель волковъ. Онъ имѣетъ, какъ говорятъ чуваша, образъ волка, но только больше и сильнѣе волка; у него цвѣтъ шерсти бѣлый. Пигамбаръ начальствуетъ надъ волками, наблюдаетъ, чтобы они жили между собою согласно, назначаетъ имъ, что они могутъ съѣсть каждый день. Пигамбаръ никогда не ходитъ одинъ; его всегда сопровождаютъ волки, число которыхъ не бываетъ менѣе двадцати. При своемъ начальствѣ волки никого не трогаютъ, особенно людей (H).

О богахъ или духахъ полевыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ.

За богами покровителями и страшилищами дома и всего находящагося въ домѣ особенно поработала фантазія чувашъ надъ богами полей и вообще всего относящагося сюда: обработки полей, хлѣбопашества.

(1) Удивительно совпаденіе названія у чувашъ бога волковъ и по магометански пророка Мухаммеда. Не выражается-ли тутъ нѣкоторое, давно сложившееся, отношеніе чувашъ къ магометанству?

а) *Богъ или духъ поля, закона*—(Ана Турри или Уй Турри). Онъ смотритъ за хлѣбомъ, во время его роста, очищаетъ его отъ негодныхъ травъ, отъ сору; напр. не допускаетъ на него животныхъ и проч. Чуваши говорятъ, что Ана Турри только въ такомъ случаѣ будетъ смотрѣть за хлѣбами, если хозяинъ хлѣбовъ будетъ посѣщать ихъ, и такимъ образомъ увидитъ труды Ана Турри и поблагодаритъ его за труды; если же хозяинъ хлѣбовъ будетъ лѣнтяй и не будетъ обращать вниманія на труды Ана Турри, то послѣдній перестанетъ смотрѣть за его хлѣбами. Моленія въ честь полевыхъ боговъ бывають очень рѣдко (черезъ 10 или 15 лѣтъ) и совершаются избраннѣйшими знахарями ворожейками, которые молятся за всѣхъ, прося у Уй Турри о дарованіи имъ хорошаго урожая во всѣ послѣдующіе годы. Бываетъ небольшое моленіе въ честь боговъ поля еще каждагодно весною, когда въ первый разъ выходятъ чуваши сѣять яровой хлѣбъ. Тогда чуваши выносятъ въ поле печенныя куриныя яйца, которыя называются: вѣрлѣх сѣмарти. (М.).

б) *Богъ или духъ лѣсовъ* (Вѣрман Амѣш—мать лѣсовъ, или просто лѣшій). „Объ лѣшемъ въ подробности я не знаю, но все таки слышалъ кое что, пишетъ Т., годовъ пять тому назадъ, крещеный чувашенинъ. По разсказу чувашъ лѣшій имѣетъ образъ человѣка, но только они представляютъ его въ видѣ великана. Разсказываютъ, будто лѣшій схвативши руками два дерева, ударяетъ ихъ одно объ другое, отчего зайцы пугаются и перескакиваютъ съ одного мѣста на другое, поэтому чуваши говорятъ: нынѣ мало зайцевъ въ лѣсу; ихъ угналъ лѣшій. Они думаютъ также, будто лѣшій уводитъ иногда даже людей“.

Съ почитаніемъ боговъ или духовъ лѣсныхъ въ древности у чувашъ соединялось почитаніе особенныхъ священныхъ рощъ, дубравъ, старыхъ деревьевъ дуплистыхъ, которыя одухотворялись и обожались. Но нынѣ всѣ эти низшія боги фетишизма (керемети) уже мало внушаютъ страха чувашамъ, особенно христіанамъ, тѣмъ болѣе, что кереметей, въ видѣ рощъ почти не стало (¹), поэтому мои ученики не

(¹) Смотр. Чуваш. Словарь Золотн. стр 259—260. Здѣсь между прочимъ говорится, что теперь вмѣсто деревъ бросаютъ жертвен. хлѣбъ

хотятъ даже вѣлючать кереметей въ число боговъ чувашскихъ, хотя-бы древнихъ.

в) „Водяныхъ боговъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ у чувашъ, а только чувашами олицетворяется самая вода“, пишетъ М. По вѣрованію чувашъ, если станешь пить воду въ какойнибудь чужой сторонѣ, то она можетъ причинять различныя болѣзни, преимущественно чахотку. Для того, чтобы вылечить отъ этой болѣзни, чувашаи покупаютъ гусей или утокъ (отъ 3—4), рѣжутъ ихъ, варятъ и съѣдаютъ, а кости ихъ, крылья и ноги относятъ къ тому самому мѣсту, гдѣ захворавшій пилъ воду. Но если захворавшему не на что купить гуся, или утку, то онъ замѣняетъ это покупаетъ валачь и относитъ его съ однимъ яйцомъ къ тому мѣсту, гдѣ пилъ воду, отъ которой, ему кажется, онъ захворалъ, и въ другія ближайшія воды: въ колодцы, озера, рѣчки и пруды бросаетъ по нѣскольку яицъ съ мукой или съ солодомъ (М.). Что касается до олицетворенія водъ, то они представляются въ извѣстныхъ русалкахъ, которыя по чувашски называются *Вудайш*. Чувашаи Вудайш представляютъ въ образѣ молодой, красивой дѣвицы, у которой волосы всегда бываютъ длинные. Чувашаи рассказываютъ о русалкахъ, будто онѣ по временамъ выходятъ на берегъ и расчесываютъ свои волосы. Когда русалка замѣтитъ, что къ ней подходитъ какойнибудь человѣкъ, то тотчасъ же она ныряетъ въ воду. Есть еще преданіе, будто одинъ человѣкъ, Чистопольскаго уѣзда, Ново-адамской волости, деревни Старо-Савруши, замѣтивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошелъ къ ней, но русалка быстро нырнула въ воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тотъ человѣкъ увидалъ расческу и взялъ её. Вспомнивши про забытую расческу, русалка вышла изъ воды и стала просить её. Тотъ сказалъ ей: „если ты выйдешь за меня за мужъ, то я возвращу тебѣ твою расческу; русалка согласилась на это предложеніе и вышла за него за мужъ. Они жили вмѣстѣ долго и оставили дѣтей, которые до сего времени назы-

предъ (христ.) храмами (168 стр.) и что христіанскія иконы считаются Турами, которыя видятъ и слышатъ, почему чувашаи, вкушая въ постный день скоромное, поворачиваютъ иконы ликами къ стѣнѣ (152 стр.).

ваются потомками русалки. Чуваши говорятъ, что эта исторія дѣйствительная (Т.).

Объ утопленникахъ чуваши говорятъ, что они живутъ въ водѣ и могутъ посылать на человѣка разные несчастія и бѣдствія, поэтому чуваши бросаютъ имъ въ воду хлѣбъ и сыплютъ муку, думая, что послѣ этого души утопленниковъ сдѣлаются милостивѣе и не станутъ посылать разныхъ бѣдствій (Т.).

Кромѣ указанныхъ боговъ у чувашъ было много другихъ боговъ, но о нихъ теперь почти не имѣется никакихъ опредѣленныхъ представленій. Языческія чувашскія представленія быстро сливаются съ христіанскими понятіями, которыя въ темной массѣ воспринимаются довольно оригинально, такъ что напримѣръ мирликійскій святитель и чудотворецъ Николай представляется имъ однимъ изъ боговъ (Гороу) и въ этомъ родѣ есть молитвы ему (1).

Но какъ, въ какомъ видѣ христіанскія понятія вошли въ чувашскія представленія, на сколько примѣшались къ нимъ остатки языческихъ вѣрованій, это особенно легко можетъ быть наблюдаемо въ разныхъ сохранившихся доселѣ, языческихъ обрядахъ, соблюдающихся при совершеніи разныхъ моленій, которыми сопровождаются всѣ важнѣйшія моменты или случаи человѣческой жизни, во всѣ важнѣйшія времена года, черезъ различные праздники. Что касается космогоническихъ преданій, то чуваши вообще почти ничего не знаютъ о началѣ міра, о происхожденіи человѣка, а современные чуваши-язычники въ особенности не имѣютъ никакихъ представленій космогоническихъ. Тѣмъ не менѣе рожденіе считается даромъ боговъ, поэтому рожденіе и вѣнчаніе обставляются совершеніемъ многихъ, различныхъ религіозныхъ обрядностей, которыми завѣдуютъ специалисты этихъ дѣлъ, знахари и знахарки (*Юмзи*), которые заговорами (2) отгоняютъ дурной глазъ, лечатъ.

(1) Смотр. Чувашско-Русскій Словарь Золотн. 167 стр

(2) Сравн. Словарь Золотн. стран. 177—179, 186—187, гдѣ между прочимъ записанъ заговоръ отъ глазнанія, переданный ученикомъ учительской семинаріи.